

История мысли: черты сходства между русской и немецкой традицией

История мысли относится к традиционным отраслям исторической науки¹. Она занимается изучением интеллектуальной жизни нации и отталкивается от наличных опубликованных текстов². Истории мысли может быть предъявлен упрек в том, что она представляет собой историю «великих людей» или даже «мужей» – как в узком смысле, ведь до XX в. авторами опубликованных текстов были в основном мужчины, так и в более широком, поскольку это действительно не самый демократичный подход к истории. Однако этот упрек хотя и справедлив, но не так уж существенен для рассматриваемого предмета, поскольку общества до XX в. были устроены как правило патриархально и либо вовсе не были демократичными, либо лишь в минимальной степени. Какими жизненными правилами руководствовался «маленький человек», какие картины рисовались его воображению, о каких вещах он размышлял и во что верил – об этих предметах сохранилось слишком мало источников, да и значение их для формирования важных исторических решений было слишком мало, по сравнению с новейшими, демократическими обществами.

Тем важнее, что изучение повседневности и духовных традиций «маленького человека» тоже становится темой исторических исследований. В это русло были направлены известные исследования «духа времени» в Германии³. На широкую международную арену вышли, впрочем, работы по образцу французской школы «Анналов», развивающие концепцию изучения «ментальности». Самому разностороннему анализу и интерпретации подвергались массовые, серийные источники – письма, восковые слепки с изображением святых, завещания и пожертвования, выписки из кадастров и т. д.⁴ Говоря о русской истории, можно упомянуть, например, работу Е.Н. Марасиновой, охватывающую большой корпус писем, в которой показан мир идей русского дворянства XVIII в.⁵

Актуальной задачей историков представляется соединение результатов работ такого рода с традиционной историей мысли. В сфере истории культуры к решению этой задачи уже приступили, при этом возникли целые новые исследовательские области⁶. И все же история мысли сохраняет свое обособленное место в кругу исторических дисциплин – во всяком случае в смысле особого присущего ей ракурса. Насколько мне известно, еще не появилось работ, которые могли бы заменить такие общие обзоры, как, скажем, монография Фридриха Хеера по европейской истории мысли⁷. То же можно сказать по поводу книги Ганса Гольвитцера об истории

¹ J. G. Droysen. *Historik*. Darmstadt, 1974. S. 219-240.

² Nigel Harris. *Die Ideologien in der Gesellschaft*. Muenchen, 1979.

³ H.-J. Schoeps. *Was ist und was will die Geistesgeschichte? Ueber Theorie und Praxis der Zeitgeistforschung*. Goettingen, 1959.

⁴ J. Held (Hrsg). *Kultur zwischen Buergertum und Volk*. Berlin, 1983.

⁵ Марасинова Е.Н. *Психология элиты Российского дворянства последней трети XVIII века*. Москва, 1999.

⁶ Как своеобразное введение в историю сталинского времени см.: S. Fitzpatrick. *Neue Richtungen der Stalinismusforschung*. // *Zeitschrift fuer Weltgeschichte*, 3 (2002). S. 81-98; ср. с работой по позднему советскому времени: M. Fuchs. *Die Grauzonen der Sowjetisierung oder die soziokulturellen Nischen in der sowjetischen Gesellschaft*. // *Zeitschrift fuer Weltgeschichte*, 2 (2001). S. 107-124.

⁷ F. Heer. *Europaeische Geistesgeschichte*. Stuttgart, 1953.

внешнеполитической мысли⁸. Это же относится к исследованиям определенных течений мысли или концепций⁹, а также, разумеется, к изучению тех или иных духовных эпох, как, например, Просвещение¹⁰. История мысли историографически совершенно очевидно складывается из отдельных историй национальной мысли. Вполне естественно, что историография развивается в контексте той национальной культуры, из которой она происходит. Роль национального происхождения текста для нашей науки замечательно вскрыл Дройзен¹¹. Каждой культурной традиции присущ собственный тип историописания. Это касается как методологической стороны, так и содержательной. Кроме того, национальная история имеет прочные институциональные рамки, чего нельзя сказать о «европейской» или «мировой». Задача универсализации исторической науки, или, как сейчас модно говорить, ее глобализации, остается до сегодняшнего дня невыполненной.

В центре этой статьи – те общие свойства и черты, которые, как представляется, одинаково присущи истории русской и немецкой мысли. Со времени выхода на английском языке книги Боссенбрука¹² новых крупных работ по истории немецкой мысли, насколько я знаю, не существует. Всеобъемлющее исследование интеллектуальной жизни Веймарской республики проделал также не немецкий автор¹³. Имеются, однако, работы по отдельным периодам¹⁴, а также по конкретным проблемам, например, по истории мысли немецких правых¹⁵, идейным корням национал-социализма¹⁶ или о немецкой культуре как носительнице определенного способа и образца интерпретации¹⁷. Потребовалась бы отдельная историографическая дискуссия, чтобы объяснить, почему одно из самых значительных новых произведений по истории немецкой мысли по форме представляет собой энциклопедический словарь¹⁸. В виде гипотезы можно предположить, что именно в виду катастрофы, произошедшей с немецкой мыслью, столь важной представлялась задача надежной и тщательной научной разработки отдельных историко-теоретических терминов. В любом случае авторы проделали на этом пути огромную работу.

Похожая ситуация сложилась и в работах по истории русской мысли – большие обзорные труды выходили из-под пера иностранных авторов: наряду с будущим чехословацким президентом Томашом Масариком следует упомянуть Марка Рэфа, Александра фон Шелтинга, Петера Шайберта, Исаяю

⁸ H. Gollwitzer. Geschichte des weltpolitischen Denkens, 2 Bde. Goettingen, 1972-1982. См. также: W. Roehrich. Sozialgeschichte politischer Ideen. Reinbek, 1979.

⁹ Например: E. Burck (Hrsg.). Die Idee des Fortschritts. Muenchen, 1963; G. Masur. Propheten des Gestern. Freiburg, 1965.

¹⁰ По этой теме можно рекомендовать интересное собрание текстов семинара Эрхарда Бара: E. Bahr (Hrsg.). Was ist Aufklaerung? Stuttgart, 1974.

¹¹ J. G. Droysen. Historik. Darmstadt, 1974. S. 31-36.

¹² В немецком переводе: W. J. Bossenbrook. Die Geschichte des deutschen Geistes. Duesseldorf, 1963.

¹³ John Willet. The New Sobriety: Art and Politics in the Weimar Period. London, 1978.

¹⁴ H. Cancik (Hrsg.). Religions- und Geistesgeschichte der Weimarer Republik. Duesseldorf, 1982.

¹⁵ S. Breuer. Ordnungen der Ungleichheit – die deutsche Rechte im Widerstreit ihrer Ideen 1871-1945. Darmstadt, 2001; K. Sontheimer. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Muenchen, 1983.

¹⁶ W. D. Smith. The Ideological Origins of Nazi-Imperialism. New York, 1986.

¹⁷ G. Bollenbeck. Bildund und Kultur. Glanz und Elend eines deutschen Deutungsmusters. Frankfurt, 1994.

¹⁸ O. Brunner, W. Gonze, R. Koselleck (Hrsg.). Geschichte Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Bd. 1-8.2. Stuttgart, 1979-1997.

Берлина¹⁹. Историю интеллигенции, включая советский период, проследил Дитрих Байрау²⁰. История русской мысли с русской точки зрения, насколько я могу судить, еще не написана. В советское время выходили работы, которые можно отнести к «истории идеологии», однако многие исследовательские области остались незатронутыми. После рубежа 1990-х гг. появились новые работы по истории мысли, прежде всего по предреволюционному периоду²¹.

История интеллектуальных отношений между обеими нациями представляет собой очень важное исследовательское поле²². По этому вопросу вышло уже большое количество научных трудов, в первую очередь стоит упомянуть основанный Львом Копелевым «Вуппертальский проект», посвященный взаимному восприятию Востока и Запада²³. К нему относится целый ряд сборников по немецко-русским культурным отношениям, изданных как немецкой, так и русской стороной, как, например, издаваемые Александром Борозняком в Липецком Педагогическом университете «Копелевские чтения»²⁴, или изданный Леонидом Луксом и Доналом О’Саливаном том их совместных лекций в Католическом университете Айхштедта об «особом пути» России и Германии²⁵. В таких сборниках регулярно выходят работы по истории мысли, нами составлена достаточно полная критическая библиография последних публикаций в этой области²⁶.

Но крупные обобщающие труды по истории немецкой и русской мысли остаются неудовлетворенной насущной потребностью. Вопрос об интегрированности обеих национальных культур в общеевропейскую может быть разрешен только с учетом проблемы отношения обеих стран и культур к Западу²⁷, а также взаимоотношений России и Азии, по этим вопросам существует довольно обширная литература²⁸.

Схожие линии развития русской и немецкой мысли, на мой взгляд, логично объясняются сходным положением обеих стран в системе европейских государств. К началу XIX в. положение в этой системе Северной и Восточной Германии, как и России, можно охарактеризовать как полупериферийное. Обе нации сохраняли свой суверенитет (хотя, конечно, для Северной Германии наполеоновского времени он был под вопросом) и являлись

¹⁹ T. G. Masaryk. *Russische Geistes- und Religionsgeschichte*. Frankfurt, 1992; M. Raeff. *Russian Intellectual History. An Anthology*. New York, 1978; A. v. Schelting. *Russland und Europa im russischen Geschichtsdenken*. Bern, 1948; P. Scheibert. *Von Bakunin zu Lenin*. Leiden, 1956; I. Berlin. *Russische Denker*. Frankfurt, 1981.

²⁰ D. Beyrau. *Intelligenz und Dissens*. Goettingen, 1993.

²¹ См., например: Рудницкая Е.Л. (Ред.). *В раздумьях о России*. М., 1996.

²² Об интеллектуальной привязанности, которую немецкие авторы испытывали по отношению к русской мысли, см.: Смирнов И.П. Особенности восприятия Ф.М. Достоевского в Германии. //Ф.М. Достоевский – наш современник. М.: ТЕИС, 2000. С. 249-260.

²³ L. Kopelev (Hrsg.). *West-oestliche Spiegelungen*. Muenchen, 1986-2003.

²⁴ Борозняк А.И. (Ред.). *Копелевские чтения – 2002*. Липецк, 2002.

²⁵ L. Luks, D. O’Sullivan (Hrsg.). *Russland und Deutschland im 19. und 20. Jahrhundert. Zwei “Sonderwege” im Vergleich*. Koeln, 2001.

²⁶ Н.-Н. Nolte. *Russisch-deutsche Beziehungen. Annotationen zu neuer Literatur*. //Zeitschrift fuer Weltgeschichte, 4.1 (2003). S. 147-152.

²⁷ D. Tschizewskij, D. Groh (Hrsg.). *Europa und Russland*. Darmstadt, 1959; D. Groh. *Russland im Blick Europas*. Frankfurt, 1988; D.W. Treadgold. *The West in Russia and China*. Bd. 1. Cambridge, 1973; Павловская А.В. *Россия и Запад. Диалог культур*. М., 1994; M. Fuchs, Н.-Н. Nolte. *Russia and the West. The New debate on the Uniqueness of Cultures* //Review of the Fernand Braudel Center, XXI, 2 (1998), p. 221-244.

²⁸ M. Fuchs, Н.-Н. Nolte. *Russia and the West. The New debate on the Uniqueness of Cultures* //Review of the Fernand Braudel Center, XXI, 2 (1998), p. 224-235; Пономарева Л.В. (Ред.). *Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов*. М., 1992.

активными участниками в концерте европейских держав, в отличие, скажем, от Лифляндии, Польши или Священной Римской Империи, разделенных к этому времени между соседями и другими странами. Вместе с тем, Россия не стала самостоятельным центром аккумуляции технологической компетенции и научных знаний²⁹, на что указывает уже отсутствие разветвленной сети университетов. Во внешней торговле Россия оставалась в основном экспортером сырьевых ресурсов, военные и промышленные технологии она импортировала из стран, относящихся к центру системы – расположенному между Сеной, Рейном и Темзой³⁰.

То, что Россия не занимала центральное место в системе, не исключает того факта, что она была великой державой. Можно даже сказать, наоборот. Из пяти великих держав XVIII века три были полупериферийными: Пруссия, Австрия и Россия. Так же как из пяти великих держав XVII века три тоже являлись полупериферийными: Испания, Австрия и Швеция. Полупериферийная страна системы вполне может быть великой державой благодаря мощному потенциалу, благоприятному стратегическому положению или политическому гению своего правителя; но при этом гораздо более высокой ценой, чем страны центра, как Голландия и Франция XVII века или Англия и Франция XVIII века. Сложившееся равновесие европейских государств не было закономерностью, оно в любой момент могло быть разрушено. Концом установившегося баланса держав могло стать основание империи. Такой поворот событий всегда был возможен в европейской истории – к созданию единой империи стремились Габсбурги при Карле V, Наполеон, немецкий национал-социализм. В XIX веке с имперской тенденцией Европа боролась руками именно полупериферийных стран – противостоящих Наполеону менее сильной Пруссии и более сильной России.

Если изучение политической истории Европы, в традиции Ранке, как и ее экономической истории, в традиции Тюненса, непрерывно развиваются, то история мысли, как уже говорилось, представляет собой существенный пробел. Работы, создаваемые в этой области, имеют скорее характер научных эссе, чем подробных исследований. В своих дальнейших рассуждениях я опираюсь на эссе И.П. Смирнова, опубликованное Обществом изучения мировой системы³¹. Смирнов предлагает говорить о «русской мыслительной традиции», т. е. о национально специфической истории мысли (не в смысле изолированности от внешнего мира, а в том смысле, что любая национальная культура развивает собственную традицию мысли). С позиции радикального рационализма этой идее можно возразить, что существует только *один* верный способ мыслить. Но мне этот аргумент представляется неубедительным, поскольку он не соответствует диалоговому характеру истории мысли; в рамках культурного диалога вполне находится место для воспроизводящихся позиций, которые могут быть поняты только из национально обусловленного интеллектуального контекста.

Рассуждая об общих чертах истории русской и немецкой мысли, я буду опираться в первую очередь на вопросы, связанные с реакцией русских и немцев на проблему превосходства Запада. Кроме того, я попытаюсь описать сходства и различия этих реакций.

²⁹ Н.-Н. Nolte. *Kleine Geschichte Russlands*. Stuttgart, 1998.

³⁰ Н.-Н. Nolte. *Tradition des Rueckstands: ein halbes Jahrtausend "Russland und der Westen"* // *Vierteljahresschrift fuer Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, 78, 3 (1991). S. 343-364.

³¹ I.P. Smirnov. *Die russische Denktradition. Zur russischen Geistesgeschichte vor der Oktoberrevolution* // *Verein der Geschichte des Weltsystems*, Nr. 30, Maerz 1998. S. 16-23.

Весной 1800 г. в одном из важнейших журналов немецких интеллектуалов "Атенеум" появилось стихотворение "Гимны ночи". Вопреки настроениям того времени в нем были такие строки: "В бездну, к святой таинственной ночи устремляю я свой взор. Мир не виден - погруженный в склеп - в нем пустынно и одиноко"³². И далее: "Всегда ли наступает утро? Не кончится никогда земная власть? Злополучную суетность поглощает небесное приближение ночи"³³. Новалис опубликовал это очень личное стихотворение, поводом для написания которого послужила смерть возлюбленной. Но последствия публикации вышли за рамки личного, произведение стало одним из основополагающих текстов немецкого романтизма и критики Просвещения.

За несколько месяцев до выхода в свет упомянутого стихотворного произведения - 18 бримера, или 9 ноября 1799 г. - молодой генерал Бонапарт захватил власть в Париже. Франция рвалась стать империей. Пруссия оставались пока что в стороне от коалиционных войн - здесь-то и жил Фридрих фон Гарденберг, называвший себя Новалисом. В 1802 г. появился его первый роман "Генрих фон Офтердинген", в котором восхвалялись средневековые и Священная Римская Империя, и весьма вовремя, а именно, накануне принятия решения от 25 февраля 1803 г., согласно которому левый берег Рейна станет французским, и за несколько лет до того, как в августе 1806 г. кайзер Франц II откажется от короны. Этим будет положен конец существованию Священной Римской Империи. В этой исторической ситуации неполитические, на первый взгляд, стихи Новалиса были восприняты именно как политические, к примеру, Людвигом фон Шенкендорфом, который перефразирует духовную песню в светскую: "Если все станут неверными, то хотя бы я останусь Вам верен, чтобы на земле для Вас всегда был кто-то, готовый вступить за Вас в борьбу"³⁴, имея в виду именно кайзера и Священную Римскую Империю, переживавшую свой закат.

Не любопытно ли, что поколение обрело себя в ощущении - все станут неверными, только я останусь верным? Те, которые оказались непричастными к новой империи, которые жили в поверженных департаментах, расстилавшихся до самого Гамбурга, или те, которые жили милостью Наполеона, нашли себе утешение в славе средневекового рейха, которому было дано название "Священная Римская империя немецкой нации". То, что являлось для Франции, резиденции прогресса, провинцией, периферией ее империи, находит свою собственную идентичность в истории, которую у нее не может отобрать никакой прогресс.

Подобная любовь к истории - это только одна сторона немецкого романтизма. Другая - в том, что будет дано выражение глубокому чувству одиночества. *Все* станут неверными, только не я - так это звучит у Шенкендорфа. Глубоким осознанием одиночества проникнуты не только произведения Новалиса. В 1804 г. увидело свет произведение "Ночные бдения Бонавентуры", в котором автор произносит: "Или все люди не правы, или я"³⁵. Эта же мысль звучит и у Йозефа фон Айхендорффа - не так угрожающе, как у Новалиса и Бонавентуры, но так же одиноко. В чем же связь одиночества и истории?

³² P. Kluckhohn, R. Samuel (Hrsg.). Novalis. Schriften. Bd. 1. Stuttgart, 1960. S. 130.

³³ Там же, с. 131.

³⁴ Там же, с. 126.

³⁵ Anonymus. Die Nachtwachen des Bonaventura. Muenchen, 1960. S. 65, 10.

Понятие "народ" должно использоваться иначе, чем понятие "нация"³⁶. Нация в западноевропейском понимании всегда означает население уже имеющегося государства с надежными границами, которое гарантирует своим жителям гражданские права и политическое участие. Нация перенимает роль абсолютистского государства, которое в раннее новое время обеспечивало конкуренцию в рамках европейской системы³⁷. Концерт держав, международная система продолжают функционировать и тогда, когда одно из европейских государств становится национальным. Англия, которую следует назвать первым национальным государством, и Франция, которая стала таковым в результате революции, берут на себя эту роль и сотрудничают с прочими абсолютистскими государствами с целью сохранения равновесия всей системы, причем с несомненным успехом, как показала победа над Наполеоном и допуск Франции к участию в Венском конгрессе в качестве великой державы. Франция и Англия имеют относительно стабильные границы, внутри которых этот переход удается осуществить таким образом, что один язык может стать общим языком всей нации.

Иначе было восточнее Рейна и Альп. Актерами международной системы были Бавария и Пьемонт, Ганновер и Тоскана. А обе великие державы Австрия и Пруссия объединили не только разнообразные государственные притязания, но и части разнообразных этносов в одно государство. Одним из первых, кто критиковал разъединение этноса и государства, был Иоганн Готфрид Гердер (1744-1803). Гердер сравнивал историю человечества с природой. Он рассматривал мироздание как ряд прогрессивно развивающихся форм - от кристалла к металлу, от растения к животному и, наконец, к человеку. Человек, по Гердеру, в своем развитии находится в зависимости от других. "Никто не стал человеком только посредством себя"³⁸. Гердер сравнивал человека с деревом: чем выше - тем свободнее, тем больше воздуха, но тем и холоднее. Важнейшим средством формирования человека является язык. Гердер определял понятие "народ" через языковую принадлежность. "Кто воспитывался в атмосфере данного языка, кто научился вкладывать в него свое сердце и выражать на нем свою душу, тот принадлежит к народу этого языка". Гердер считал, что каждый народ имеет свое место, как растения в большом саду, и выступал против смешения народов и за их различия. Он критиковал кабинетную политику своего времени и верил в то, что "отечества" не стали бы вести друг против друга войну. "Они мирно сосуществуют друг с другом и поддерживают друг друга как семьи"³⁹.

Пацифистски настроенный Гердер выступал, таким образом, за отечества - в них языковая нация совпадает с нацией политической - по той причине, что он считал их миролюбивыми по сравнению с теми государствами, которые вели кабинетные войны. В его аргументации есть еще и другой поворот. Членом западноевропейской нации человек становится в результате своего рождения на территории одного из западноевропейских государств, принадлежность к народу он получает в силу природы своего мышления и своего языка. Таким образом, концепция Гердера могла быть использована для оправдания всех тех войн XIX

³⁶ R. Kosellek и др. Volk, Nation, Nationalismus, Mase. //O. Brunner u. a. (Hrsg.). Geschichtliche Grundbegriffe. Bd. 7. Stuttgart, 1992. S. 141-431; см. также: Н.-Н. Nolte, В. Eschment, J. Vogt. Nationenbildung oestlich des Bug. Hannover, 1992. S. 7-22.

³⁷ Н.-Н. Nolte. Die eine Welt. Hannover, 1993.

³⁸ W. Mueller (Hrsg.). Johann Gottfried Herder. Saemtliche Werke. Bd. 28-30. Stuttgart, 1853. S. 345.

³⁹ Цитир. по: R. Kosellek. Указ. соч. S. 317-319.

столетия, которые велись с целью создания новых национальных государств, где все жители говорили бы на одном языке.

К этому развитию мысли относится также и гегелевская концепция о самопроявлении духа через всемирно-исторические индивидуумы, в нашем случае - прежде всего через процесс самореализации духа народа. Гегель полагал, что каждый исторический народ созданием своего духа вносит лепту в развитие мирового духа, после чего роль его угасает и "один народ не может дважды в истории определять содержание эпохи". Решающим инструментом реализации духа народа является государство, "но природа государства есть единство объективной и всеобщей воли"⁴⁰, в то время как субъективная воля каждого в отдельности не является решающей.

Гердером и Гегелем теоретически описан проделанный немецким национальным движением путь, основным содержанием которого стало не освобождение отдельного индивидуума от сословных ограничений, а освобождение этносов от раздробленности и чужого господства. Как и ранее, индивидуумы должны были оставаться за пределами этих целей и должны были подчиняться - быть может, не обязательно сословным прерогативам, но без сомнения - государству. Одновременно при помощи тезиса, что народ не может дважды в истории определять судьбу эпохи, обосновывалось и то, что Франция уже сыграла свою роль и что теперь очередь Германии постичь "высокое понятие времени".

Требование единства языка и нации, в особенности благодаря Гердеру, сводилось, по всей видимости, к задаче природы, к очевидному факту, над которым не стоило размышлять (это одно из отличий от Западной Европы, где, к примеру, во Франции никто не требует присоединить Женеву на том основании, что там говорят по-французски). Требование сильного государства, которому индивидуумы подчинялись бы без неотчуждаемых прав, получило философское освещение в особенности благодаря Гегелю. Отсюда был только один шаг - хотя это и был всего-навсего шаг от философии к политике - до немецкого национализма кайзеровского времени и немецкого национализма XX в., шаг к тезисам об особом пути Германии, который предотвратит манчестерский капитализм и при помощи социальной защиты и немецких служащих позволит проложить в будущее свою собственную, социально благоприятную дорогу, в завершение чего прозвучат еще и патетические мысли о том, что якобы "немецкая сущность принесет выздоровление миру".

Исходная ситуация для России была совершенно иной. Она не была поделена на французские департаменты и вассальные княжества, как это было в королевстве Вестфалия. Россия сыграла главную роль в победе союзников над Наполеоном, а Александр I чувствовал себя освободителем Европы.

Но самодовольная тишина петербургских салонов взорвалась от появления в 1830 г. первого из философских писем Петра Яковлевича Чаадаева (1794-1856), которое позднее Герцен сравнит с "выстрелом пистолета в темной ночи". В этом письме князь Чаадаев пишет своей подруге о том, что несмотря на все победы русские не могут причислять себя к Европе. "Мы одиноки в мире", - утверждает Чаадаев. По его словам, русские ничего не дали миру, ничему не научились, не прибавили ни одной идеи к сумме всех человеческих идей, не внесли никакого вклада в прогресс чело-

⁴⁰ G. Lasson (Hrsg.). Georg Wilhelm Hegel. Die Vernunft in der Geschichte. Leipzig, 1930. S. 163, 118.

веческого духа. "Ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей Родины". Русские, по убеждению автора письма, не старались вникнуть в то, что принесли другие народы в развитие человеческого духа и перенимали только обманчивый блеск и ненужную мишуру. Да и Европа воспринимала всерьез только лишь военные успехи России: "Чтобы заставить себя заметить, нам пришлось растянуться от Берингова пролива до Одера". В мире духа Россия оставалась "une lacune", пустым местом, считал Чаадаев. "Я не перестаю удивляться этой пустоте, этой удивительной оторванности нашего социального бытия"⁴¹.

Царь объявил Чаадаева сумасшедшим, что, собственно, не решило вопроса о вкладе России в европейскую культуру. Выход, который Новалис и Шенкендорф искали в блестящей истории средневековья, был для Чаадаева неприемлем: Священная Римская Империя на самом деле сыграла важную роль в истории Западной Европы, тогда как Россия имела скорее маргинальное значение и многие столетия была недоступна взору Европы из-за монгольского ига. В то время как решающий вклад в мировую культуру имел европейское происхождение, Россия находилась в положении многих порабощенных в колониях европейскими державами "народов без истории", которые переняли европейские традиции образования и не смогли в этом смысле найти собственную историю⁴². Русского вклада в европейскую историю средневековья Чаадаев не обнаружил.

Оставалось - как написал князь царю в своей "Апологии сумасшедшего" - надеяться на молодое поколение русского народа, стало быть, надеяться на достижения в будущем. Этой перспективе славянофилы, в частности Иван Киреевский (1806-1856), дали неожиданный поворот. Киреевский, знакомый с идеями немецких философов, признавал различия между западноевропейской и русской культурой, но расценивал это как явление позитивное. "...Тому 30 лет назад едва ли можно было встретить мыслящего человека, который бы постигал возможность другого просвещения, кроме заимствованного от Западной Европы"⁴³, - писал Киреевский в 1852 г. Но с той поры произошла перемена. "Европейское просвещение во второй половине XIX в. достигло той полноты развития, где его особенное значение выразилось с очевидной ясностью для умов, хотя несколько наблюдательных. Но результатом этой полноты развития, этой ясности итогов было почти всеобщее чувство недовольства и обманутой надежды"⁴⁴. Победа европейского духа обнажала его слабости, в усовершенствовании комфорта он утратил смысл жизни, а чисто рационально применяемый разум разрушил все ее взаимосвязи. Россия же следует другой интеллектуальной форме философии, связывающей противоречия воедино. Для русского общества характерна солидарность, и оно не поделено на враждующие между собой сословия и классы. Можно свести противоречие между западноевропейской и русской культурами к формуле: *«раздвоение и цельность, рассудочность и разумность»*⁴⁵.

Мысль Гегеля о том, что один народ не может дважды в истории определять содержание эпохи, стала утешением для русских интеллектуалов. Конечно, русское средневековье не играло важной роли для Западной Европы. Но это означало только то, что русский дух пока что "себя не проявил", что ему еще откроется будущее.

⁴¹ Т.И. Ойзерман и др. (ред.). П.Я. Чаадаев. Полн. собр. соч. Избранные письма. Т. 1. М., 1991. с. 330-331.

⁴² E. Wolf. Europa and the People withore history. Berkeley, 1982.

⁴³ И.В. Киреевский. О характере просвещения Европы и его отношении к .просвещению России // М. Гершензон (ред.). Иван Васильевич Киреевский. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1991. С. 175.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, с. 218.

Правительству эта форма славянофильства создавала немалые проблемы. Пожалуй, за исключением времени правления Александра III, оно лишь нерешительно следовало требованиям русской национальной интеллигенции в вопросе русификации различных сфер жизни и культуры.

Эту проблему успешно разрешил Николай Яковлевич Данилевский (1822-1885), ботаник по специальности, публикацией своей книги "Россия и Европа": Данилевский определил славянский мир как особый культурный тип, который отличается от германо-романского, к примеру, своей терпеливостью. Полностью следуя модели Гегеля, он считал, что германо-романский культурный тип уже пережил время своего расцвета и находится в стадии заката, будущее же славянского культурного типа еще впереди. Этот культурный тип должен быть организован как федерация, но, по Данилевскому, он нуждается в сильном государстве для развития своей сути. Так что прекрасно, что существует царизм⁴⁶.

Как в свое время Гегель предоставил правым немецким гегельянцам аргументы в пользу сильной Пруссии, так Данилевский дал обоснование для русского империализма, в особенности в отношениях с Австро-Венгрией и Османской империей. В статье Энциклопедического словаря о Данилевском Владимир Соловьев выразил свое мнение о его успехе, основываясь на "совпадении его основной мысли со взглядами, царившими в обществе". Так оно и было. Надежда Данилевского на то, что в силу терпеливости славянский культурный тип будет избавлен от революции, подобной западной, полностью отражала точку зрения общества. Правда, как мы знаем, через какое-то время она была основательно опровергнута.

Тезис о том, что России принадлежит будущее, разделяли не только правые, но и левые. Первым среди них был Герцен. Разочаровавшись в Западе после революции 1848 г., он устремляет свой взор на другие страны, готовящиеся к социальным преобразованиям. Одну из таких стран – Россию – Герцен представляет западной публике в изданной в 1854 г. книге "Социальное состояние России"⁴⁷. Свои надежды он возлагал на народ, в особенности на крестьян и общину, которую он считал предсоциалистической.

С Герценом сетования Петра Чаадаева - никого не интересует, что тут у нас за Одером происходит - перерастают в надежды на будущее: хотя это вас и не интересует, но возникнет Россия, которая принесет миру социализм.

Я не могу в этой статье останавливаться на истории развития социалистической мысли, российские читатели знакомы с ней лучше, чем я. Но мне думается, что тоненькая дорожка тянется от Герцена через Чернышевского к Ленину и революции 1917 г., а также к гражданской войне 1918-1921 гг., которые существенно поколебали высказанные Данилевским надежды на то, что славяне, в особенности русские, более терпеливы, чем западные европейцы.

Откуда этот пафос? Откуда эта радикальная перемена от «мы ничто, пустое место в мире духа» к «мы надежда мира, воспитатели планеты, мы принесем миру социализм»?

Как я попытался показать, существовали сходства между русским и немецким интеллектуальным положением в мире. Они облегчали восприятие всей Восточной Европой идей Гердера и Гегеля, а также идей Маркса и Энгельса в конце XIX - начале XX вв. Но были и различия. В Пруссии политическим вниманием пользовались философские позиции,

⁴⁶ Н.Я. Данилевский. Россия и Европа. СПб., 1895; особенно ярко – глава XV, с. 432-473.

⁴⁷ А. Herzen. Russlands soziale Zustaende. Hamburg, 1854; см.: Александр Иванович Герцен. Собр. соч. Т. 7. М., 1956.

обосновывающие единую Германию, другими словами, если я попытаюсь свести эти позиции к формуле, получится - Гердер плюс Гегель. У народов, проживающих между Германией и Россией, пользовались вниманием позиции, подчеркивающие первичность права языковых сообществ по отношению к праву государства, стало быть, идеи Гердера. В России нашли свою аудиторию идеи, при помощи которых можно было обосновать существование империи, это было учение Гегеля. Изобретя культурные типы и определив славянский тип как всемирно-исторический, Данилевский освободил аргумент Гердера об историческом развитии от фактора языка - так имперское положение России получило обоснование еще и при помощи культурной аргументации.

В идеях Данилевского просматривается влияние воспринятого из Англии социального дарвинизма, но в них нашло отражение и изменение политической ситуации. В начале XIX столетия Германия, по крайней мере ее северная и восточная части, относилась к полупериферийным областям, экспортировавшим зерно и дешевую рабочую силу. Униженная Наполеоном, она легко стала местом, где признавались философские учения, подчеркивающие роль государства как механизма самоутверждения. Этот пафос самоутверждения смог найти своих сторонников и в России. К середине века Германия становится высоко индустриализированной страной центра, в которой многие мечтают о большем месте под солнцем для Германии. Русские студенты еще продолжали учиться в немецких университетах, но подобный немецкому шовинизм уже не может найти в России положительного отклика. Концепция славянофилов стала, к примеру через Макса Вебера, составной частью самоопределения Западной Европы как отличной - в структурном смысле - от России. Учение Данилевского тоже оказало свое влияние на Запад через Освальда Шпенглера и Арнольда Тойнби.

И все же само содержание немецких и русских концепций характеризуется еще и сходством стиля, способом изложения самоопределения, определения своего и чужого - и это находило выражение в крайне патетических позициях. Речь постоянно идет о том, чтобы играть всемирно-историческую роль - "делать эпоху", выражаясь словами Гегеля, или "воспитывать планету". Ни у немецкой, ни у русской интеллигенции не пользовались вниманием позиции, которые выступали за достижение более скромных, трезвых целей. Неприятный осадок от того, что такие великие концепции эпохи, как индустриальный капитализм, парламентская демократия, права человека, были развиты не в Германии и не в России и что их переняли (или намереваются перенять) у Запада, оставался. И этот осадок становился еще горче потому, что западные державы продемонстрировали свое превосходство также и милитаристским путем - через французскую экспансию против Германии, через британское мировое господство, которое было продемонстрировано России в Крымской войне. И когда Германия вошла в число держав центра, ей захотелось во что бы то ни стало доказать, что она так же превосходно, как старые мировые державы, может эксплуатировать, так же превосходно, как американцы в США, может уничтожать собственное население и так же превосходно, как англичане, черпать богатства из своих колоний.

Отсюда к другому вопросу: откуда же одиночество? Немецкий романтизм выразил состояние, которое вскоре пронзило всех: новая общественная форма прав человека и индивидуальных свобод имела свою обратную сторону, и она проявлялась в одиночестве. Там, где на месте общества, организованного "лицом к лицу", возник рынок возможностей, люди, с одной

стороны, освободились от прежних связей, но, с другой стороны, стали разрозненными. Каждый мог искать свой шанс, но каждый должен был использовать свой шанс в ущерб другому. Понятно, что подобная критика нового общества сначала обрела своего слушателя в окраинных областях Европы. С Киркегором и Ницше эта тема стала впоследствии классической.

Но Чаадаев увидел еще и другую, новую форму одиночества и предвосхитил то, что век спустя выразил Гарсия Маркес в названии своего романа "Сто лет одиночества", а именно: в Западной Европе и Северной Америке мало интересуются происходящим, к примеру, в России. Интерес носит скорее функциональный характер: нужна ли нам страна из стратегических соображений или она важна для нас, поскольку оттуда могут исходить угрозы? И одиночество имеет здесь другую окраску. Целые регионы мира из-за того, что они обязаны принимать концепции, развитые в других регионах, стоят перед опасностью потерять непрерывность своей культурной традиции и саму культурную принадлежность, но так и не быть интегрированными в систему новых отношений - в мир духовности - и стать не более чем "пустым местом", цитируя вновь Чаадаева.